

RU

Мифологема «скифства» в русской культуре на рубеже XIX–XX веков

Чулков О. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление историко-культурных предпосылок развития мифологемы «скифства» в русской культуре на рубеже XIX–XX вв., наиболее ярким выражением которого явился литературно-философский альманах «Скифы» 1917–1918 гг. В статье прослежена эволюция идеализированного образа «благородного скифа» в античной эпической поэзии и историографической литературе (Геродот, Эфор, Страбон). Особое внимание уделено разнообразным интерпретациям этнонима «скифы», широкий спектр коннотаций которого явился одним из определяющих факторов специфической рецепции «скифской темы» в отечественной историографии (А. И. Лызов, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов) и общественно-политической публицистике (М. А. Бакунин, А. И. Герцен). «Скифство» как значимый феномен русской культуры на рубеже XIX–XX вв. рассмотрено в его сущностной взаимосвязи с идеями «религиозного анархизма» и философией раннего евразийства. Научная новизна исследования состоит в выявлении общих принципов конструирования «скифского сюжета» и его смысловых констант, унаследованных из античной этногеографической традиции, актуализации которых способствовали историко-археологические и литературоведческие исследования. В результате исследования показано существование инвариантных смыслообразующих конструктов, являющихся основой мифологемы «скифства» в русской культуре на рубеже XIX–XX вв.

EN

The mythologem of Scythianism
in Russian culture at the turn of the 19th and 20th centuries

O. A. Chulkov

Abstract. The aim of the study is to identify the historical and cultural prerequisites for the development of the Scythian mythologem in Russian culture at the turn of the 19th and 20th centuries, the most striking expression of which was the almanac “Scythians” of 1917–1918. The article traces the evolution of the idealized image of the “noble Scythian” in ancient epic poetry and historiographic literature (Herodotus, Ephorus, Strabo). Particular attention is paid to the diverse interpretations of the ethnonym “Scythians”, the wide range of connotations of which was one of the determining factors in the specific reception of the “Scythian theme” in Russian historiography (A. I. Lyzov, V. N. Tatishchev, M. M. Shcherbatov) and socio-political journalism (M. A. Bakunin, A. I. Herzen). “Scythianism”, as a significant phenomenon of Russian culture at the turn of the 19th and 20th centuries, is examined in its essential relationship with the ideas of “religious anarchism” and the philosophy of early Eurasianism. The scientific novelty of the research lies in the identification of general principles for constructing the “Scythian narrative” and its semantic constants, inherited from the ancient ethnogeographic tradition, the actualization of which was facilitated by historical, archaeological, and literary studies. The study demonstrates the existence of invariant meaning-forming constructs that form the basis of the Scythian mythologem in Russian culture at the turn of the 20th centuries.

Введение

Актуальность исследования обусловлена растущим влиянием культурфилософских концепций и общественно-политических движений, программные положения которых основываются на предполагаемой историко-культурной и этногенетической сопряженности культур древней Скифии и современной России (Кириченко, 2021; Зарифуллин, 2024; Малешевић, 2024). В академической полемике и в социально-политических дебатах (Бакиров 2019; Кузина, 2016; Малешевић, 2024; Петрухин, 2014) «новые скифы» и евразийцы воспринимаются, с одной стороны, как «идейные монстры, выросшие на русской почве, имеющие далеко идущие политические и цивилизационные цели» (Кириченко, 2025, с. 27). С другой стороны, русское «скифство» рассматривается не только как исторический факт, но и как «стратегическая концепция, реализующаяся на наших глазах» (Малешевић, 2024, с. 73).

Исследование направленно на решение следующих задач:

1. Аналитическое рассмотрение образа «благородного скифа» в сочинениях античных эпических поэтов, историков и географов – Геродота Геликарнасского, Эфора Кимского и Страбона.

2. Определение специфики восприятия «скифской темы» в трудах российских историографов XVIII в. (Записки..., 1787; Лызлов, 1990; Татищев, 1994; Щербатов, 1770) и в сочинениях отечественных публицистов XIX в. (Бакунин, 1987; Герцен 1986).

3. Установление параметров создания и развития мифологемы скифства в сочинениях российских литераторов и публицистов XIX–XXI вв. (Александр Блок..., 2004; Скифы, 2018; Зарифуллин, 2024).

Методом историко-культурной реконструкции в исследовании прослеживается динамика развития «скифской темы» в сфере теоретических гипотез и эстетико-художественных экспериментов.

Теоретической базой исследования является герменевтический подход к осмыслению в междисциплинарном контексте мифологемы русского «скифства» на рубеже XIX–XX вв. Современная историография (Рыбаков, 1979; Хазанов, 2023) дает возможность соотнести научно верифицируемые факты скифской истории VII–III вв. до н. э. с их мифологическими интерпретациями как в античной, так и в современной культуре. Литературоведческий анализ (Козулин, 2015; Созина, 2010; Солнцева, 2010) позволяет обнаружить смысловые инварианты «скифского сюжета» в произведениях древнегреческих авторов и отечественной литературе XX в. Культурологический подход, обеспечивая концептуальную целостность исследования (Бражников, 2011), открывает возможность реинтерпретации мифологемы русского «скифства» в историко-культурной перспективе (Орехов, 2009; Солнцева, Солнцева, 2021).

Практическая значимость исследования определяется необходимостью прояснения предпосылок возникновения и развития феномена русского «скифства» в контексте современных дискуссий о предполагаемой историко-культурной близости древней Скифии и современной России. Опыт преподавательской деятельности автора свидетельствует об учебно-методической значимости и высоком эвристическом потенциале «скифской темы» при его обсуждении в ходе практических занятий по гуманитарным дисциплинам.

Обсуждение и результаты

Археологические свидетельства о скифах – племенах древних кочевников, обитавших в евразийских степях и нагорьях от Синьцзяна до Дуная в VIII–III вв. до нашей эры, – позволяют реконструировать специфические особенности их культуры, социальной организации и жизненного уклада (Хазанов, 2023), но не дают ответа на принципиальные вопросы, связанные с обстоятельствами их внезапного появления на исторической сцене и столь же стремительного исчезновения. В конце прошлого века советский скифолог И. В. Куклина констатировала: «Почти все проблемы современной скифологии остаются спорными, и ни одна из них не получила еще однозначного решения» (1985, с. 16). И, следует признать, ситуация мало изменилась за прошедшие десятилетия. Не создав собственной письменности, скифы не оставили о себе аутентичных свидетельств.

Использование этнонима «скифы» по отношению к достаточно широкому спектру вполне самостоятельных племен и народностей является следствием ряда произвольных ассоциаций и аналогий, истоки которых следует искать в античной поэзии и историко-географической литературе. Трудно не согласиться с В. Я. Петрухиным в том, что «представление археологов о единстве культурного облика евразийских степей в скифскую эпоху сродни тем представлениям античного мира об этой территории, которые породили расширительное употребление термина “скифы”» (2004, с. 84). Подобно тому, как античные авторы создавали свои этногеографические конструкции на основе фонетического созвучия эпонимов, топонимов и этнонимов (*Коллаксай – колхи – каллипиды – кораксы; авхаты – эвхаты – авхеты*), современные интерпретаторы выстраивают этнографические теории на произвольных ассонансах и транслитерациях: *абии – агавы – габии; саки – саксы – сахи; герры – герои*. Лингвистические экзерсисы такого рода довольно часто приводят к существенным смысловым абберациям: так, например, в результате смещения греческого *георгой* («земледельцы») и одного из скифских автоэтнонимов *гауварга* («почитающие скот») в античной историографии возникло понятие «скифы-земледельцы» (Козулин, 2015, с. 95).

Почти все, что известно об истории скифов, заимствовано из древнегреческих источников, но едва ли литературный образ «скифа», каким он представлен в IV книге «Истории» Геродота, в полной мере соответствует реалиям жизненного мира причерноморских кочевников, с которыми приходилось налаживать взаимоотношения греческим переселенцам в VIII–VI вв. до н. э. (Рыбаков, 1979). Воображение эпических поэтов и античных историографов было «подстроено» к некому идеализированному образу «благородного скифа», даже если этот образ никак не коррелировал с их собственным опытом общения с кочевниками. «Добродетельный скиф» – собирательный транскультурный персонаж, вобравший в себя разнородные элементы, заимствованные из эпической поэзии, историографических компиляций и философских сочинений. Произвольная комбинация различных элементов зачастую приводила к «нелинейным» смысловым искажениям. Так, например, название племени *абиев* интерпретировалось античными комментаторами как «бездомные», «не знающие насилия», «живущие без женщин», «долгоживущие», «не имеющие луков» (Козулин, 2015, с. 84). Сообщение о молочной диете абиев вело к их отождествлению с «благородными *мисийцами*» («млекоедами, воскурителями и богопочитателями») и *гиппемолгами* («доителями кобылиц»), причем в отношении последних эпитет «благородные» по-гречески мог быть прочитан как самостоятельный этноним – *агавы*. У Эсхила *абии*

превратились в *габиев* – «самый справедливый и гостеприимный народ из всех смертных», которому «сами собой нивы приносят в изобилии средства к жизни». Привилегированный статус *абиев* и *габиев* позволял соотносить их с мифическими *гиперборейцами* – «священным народом», пребывающему в «вечном веселье и благоговейных молитвах», поскольку над ним не властны «ни болезни, ни губительная старость». Круг свободных ассоциаций замыкался на *скифах*, поскольку идея о блаженной жизни гипербореев предполагала их локализацию поблизости от мифических «островов блаженных», одним из которых считался так называемый остров Ахилла – *Макарион* (о. Левка, совр. о. Змеиный), а это, в свою очередь, давало основание считать самого Ахилла «владыкой всей скифской земли» (Козулин, 2015, с. 85).

Дополнительный импульс мифологизации образа скифа в античной литературе придавала философия «скифского мудреца». Помимо позднего свидетельства Ямвлиха о некоем Абарисе, который, будучи выходцем из Скифии или Гиперборей, стал учеником Пифагора (Козулин, 2015, с. 84), в философских школах (прежде всего у киников и стоиков) имели хождение легенды о жизненной мудрости скифов, многократно пересказанные в сочинениях киников, стоиков и эпикурейцев (Козулин, 2015, с. 108). Главным персонажем легенды о мудрых скифах стал некий Анахарсис, иногда включавшийся в перечень семи легендарных мудрецов Эллады. В появившихся в середине IV в. до н. э. подложных «Письмах Анахарсиса» воспроизводились, в ассоциации со «скифским логосом» Геродота, основные положения кинической философии: «Хотя у меня только стрелы да лук, но я свободен», «одеждой мне служит скифская хлена, обувь – подошва собственных ног, моя лучшая еда – молоко, сыр, мясо... живи как скиф и будешь счастлив» (Нахов, 1981, с. 133).

В «Географии» Страбона достаточно подробно изложены заимствованные из утраченного сочинения «Всеобщая история Греции» Эфора Кимского суждения о достоинствах скифского жизненного уклада. Эфор противопоставлял скифские добродетели порокам эллинов: «Они ведут скромный образ жизни, не склонны к стяжательству и не только в отношениях друг с другом соблюдают хорошие обычаи (так как у них все общее, даже женщины и дети), но и чужеземцам их не одолеть и не победить, ведь у них нет имущества, ради которого их стоило бы обратить в рабство» (Козулин, 2015, с. 102). Перечню скифских добродетелей, включавшему в себя мудрость, справедливость, самодостаточность, выносливость, мужественность и верность отеческим традициям, был противопоставлен список скифских пороков – тупоумие, грубость, жестокость, неумеренность в употреблении вина (Козулин, 2015, с. 117). Однако негативная оценка «скифства» в позднеантичной литературе не имела прямого отношения к скифам Гесиода и Геродота – в эллинистический период этнических скифов уже не существовало. Под натиском сарматов последние скифские племена откочевали в крымские степи, и к середине III в. до н. э. прекратила свое существование «Великая Скифия».

В течение следующих полутора тысячелетий «скифами» именовали весьма разнообразные народности и племена, населявшие в различные исторические периоды пространство между дельтой Дуная и нижним течением Дона. Этноним «скифы» оказался одним из самых долговечных в европейской книжной традиции: в V–XV вв. так называли аваров, гунов, угров, печенегов, половцев, татар, турок. В IX–X вв. византийские хроники называют «тавроскифами» восточных славян, затем «скифами» именовали ордынцев: «У многих авторов эпохи Возрождения татары полностью отождествлялись с древними скифами... вслед за татарами стали иногда отождествляться со скифами и русские (жители Московии)» (Козулин, 2015, с. 158). Адам Олеарий в «Описании путешествия в Московию» (1647 г.) сообщал, что население России составляют «варвары, татары и язычники, которые в древности назывались “скифами северными, европейскими и азиатскими”», а их именование абиями-скифами производно от сибирской «реки Аби или Оби» (2003, с. 159).

К середине XVII в. мифологема о скифах-праславянах «перекочевала» из византийской и западноевропейской географической и исторической литературы в отечественную историографию. Согласно «Сказанию о Словене и Русе», созданному в начале 1640-х гг., славяне – это расселившиеся в «Великой Скуфи» потомки Скифа, правнука ветхозаветного патриарха Иафета. Братья Словен и Рус якобы пришли со своими народами на север Восточной Европы около середины III тыс. до н. э. (т. е. почти за два тысячелетия до первых письменных свидетельств об исторических скифах) (Петрухин, 2014, с. 16). «Скифская история» (1692 г.) А. И. Лызлова (1990) начиналась с переложения одной из версий скифской генеалогической легенды и завершалась детальным описанием исторических событий XVI–XVII вв. Вслед за античными авторами отечественные историографы XVIII в. особое внимание уделяли этимологии, привнося тем самым новые коннотации в скифскую мифологию. В «Истории Российской с самых древнейших времен...» В. Н. Татищев, предварительно оговаривая, что именование скифы «весьма старо и в глубочайшей древности у всех писателей известно было, но значение названия его никем точно не показано» (1994, с. 132), допускает несколько вариантов происхождения этого этнонима: от халдейского (или еврейского) *скиния* («шалаш» – непременный атрибут жизни кочевников); от греческого *скинос* («кожа, каковы они одежды имели»); от «готического *шиисен*» («стреляние»); от славянского «скитаться»; от *скита* в монастырском обиходе или же, наконец, «по отчеству от их праотца *Скифа*» (1994, с. 133). Преемственность древних славян от скифов представлялась М. М. Щербатову значимым фактором отечественной истории: «Ибо несумнительно есть, что Скифы и Словены, первые обладатели России, есть ли не письменами, ибо они их не имели, то по крайней мере песнями, изустными преложениями и другими подобными способами, память знатных дел сохраняли, как в знак благодарности к прежним своим благодетелям, так и для побуждения к добродетели народа» (1770, с. II). Поскольку в разные времена страна скифов имела различные именованья (Скифия, Сарматия, Славенороссия, Московия, Россия), то, полагал М. М. Щербатов, происхождение населяющих ее народов большей частью

неизвестно, но представляется вероятным, что этот народ «так назывался для ради их великого искусства стрелять из лука... что же касается до меня, то я за весьма вероятное почитаю, что народ, обитающий в России, именуемы Чудь, через повреждение подал причину ко имени Скифскому» (1770, с. 2). И если «все древние писатели, которым случалось говорить о Скифах, единогласно похваляют их добродетель и справедливость», то из этого М. М. Щербатов делал вывод, что природа одарила скифов тем, чего не имели древние греки, и поэтому скифы были даже более добродетельными, нежели античные философы: «Можно сказать, что незнание пороков полезнее Скифам, нежели знание добродетели других. По сему довольно можно видеть, колико Скифы добродетельны» (1770, с. 19).

Сомнение в исторической достоверности такого рода утверждений не умаляет их пользы для отечественной государственности – это обстоятельство в полной мере оценила Екатерина II, соотносившая в «Записках касательно российской истории» (1787 г.) мифические добродетели скифов с историческими традициями вверенного ее попечению народа: «Скифы терпеть не могли, чтобы другие народы сказывались старейшими. Они почитали дружбу и добродетели, любили неустрашимых, пренебрегали богатством, имели скотоводство, одевались зимой и летом в равную одежду. Были всегда на коне, оружие лучшее их щегольство, суд отправляли рассуждая здраво; письменного закона не имея, пороки наказывали строго... Наук и художеств мало знали, но ремесленников имели» (Записки..., 1787, с. 28). Это «баснословие, смешанное с истиной», вне зависимости от степени его исторической достоверности, представлялось императрице достойным монаршего внимания сюжетобразующим пунктом истории отечественной государственности. Таким образом, созданная эпическими поэтами, античными географами и риториками мифологема «благородного скифа» в буквальном смысле «пришлась ко двору» в России XVIII в., но уже в следующем столетии она вышла из-под контроля официальных историографов. Романтизации «скифства» в XIX–XX вв. способствовали следующие факторы.

Во-первых, описанная Геродотом тактика «скифской войны» не раз оказывалась для русской армии весьма эффективным способом ведения боевых действий. В 513 г. до н. э. после вторжения армии Дария в их земли скифы долгое время уклонялись от прямого столкновения с основными силами персов, прибегая к быстрым маневрам, уничтожая продовольствие и засыпая колодцы на оставляемых территориях, атакуя арьергарды неприятеля и перехватывая его обозы. По свидетельству Геродота, на предложение Дария сойтись в решающей битве скифский царь Иданфирс ответил: «У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой» (2016, с. 350). Когда же скифы все же собрались дать генеральное сражение персидской армии, малозначительное происшествие неожиданно отвлекло их внимание и совершенно переменяло их намерения: «Вдруг через ряды их проскакал заяц; все скифы заметили его и бросились за ним в погоню. Когда в стане скифов раздались шум и крики, Дарий спросил о причине такой тревоги среди неприятелей и, услышав, что они гонятся за зайцем, обратился к постоянным собеседникам своим со следующим замечанием: “Люди эти глядят на нас с большим пренебрежением ... потому следует хорошо обдумать, каким бы образом обеспечить наше возвращение...”» (Геродот, 2016, с. 351). В современной историографии этот курьезный эпизод истолковывается как использование скифами незначительного предлога для уклонения от боя либо как указание на привилегированную роль охоты на зайцев в мифологической картине мира древних скифов (Молев, 2015, с. 61).

Реактуализация мифологемы «скифской войны» в XIX в. произошла в ходе отечественной войны 1812 г. при следующих обстоятельствах: «Наполеон, когда ему доложили о первых пожарах, не обратил на них особенного внимания, но когда 17 сентября утром он обошел Кремль и из окон дворца, куда бы ни посмотрел, видел бушующий огненный океан... император побледнел и долго молча смотрел на пожар, а потом произнес: “Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это – скифы!”» (Бражников, 2011, с. 333). Эффектное восклицание императора Бонапарта в 1812 г. могло произвести впечатление только на его свиту – русский перевод «скифского логоса» Геродота выйдет в печати только в 1819 г., – брошенная П. Я. Чаадаевым фраза «в своих городах мы кочевники» даже спустя четверть века после событий 1812 г. будет восприниматься как «пощечина общественному мнению», однако образ неустрашимого воина-скифа станет неотъемлемой частью «скифского сюжета» в отечественной публицистике к середине XIX в.

Вторым значимым фактором, предопределившим специфическую рецепцию «скифства» в российской публицистике XIX–XX вв., стал заимствованный из эпической поэзии образ «справедливейшего» и свободолюбивого народа древних скифов. В письме к Арнольду Руге, датированном маем 1843 г., М. А. Бакунин завершает пространные рассуждения о значимости философских идей (главным образом французского происхождения) для дальнейшего развития революционного движения следующими словами: «Здесь, только здесь начинается борьба. И так сильно наше дело, что мы, кучка разбросанных повсюду людей со связанными руками, приводим в ужас и отчаяние мириады наших врагов одним нашим боевым кличем. Отлично, пусть так! И я, скиф, разорву ваши оковы, германцы, желающие стать греками» (Бакунин, 1987, с. 233). Эмоциональное заявление Бакунина оказалась едва ли не первым литературным примером согласования слова «скиф» с личным местоимением в форме первого лица. В античных, средневековых и новоевропейских письменных источниках скиф/скифы – всегда он/они, другой/другие: для греков «другие» – это северные номады, для византийцев – русы и склавны, для новоевропейцев – татары и москвиты. Письмо М. А. Бакунина было опубликовано А. Руге в редактируемом им (совместно с К. Марксом) журнале “Deutsch-Französische Jahrbücher”, и его «скифский» призыв к революционной борьбе был воспринят в среде русских политических эмигрантов – скифская самоидентификация с пафосом и гордостью была воспроизведена в «Былом и думах» А. И. Герцена: «Я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир, и думаю, что наше призвание – вознестись ему его близкую кончину» (1986, с. 420). Таким образом, А. И. Герцен, как отмечает А. Ю. Вязинкин, предложил «новую антропологическую фигуру “скифа” и культурную парадигму “скифства”» (2019, с. 68).

Третьим фактором, придавшим дополнительный импульс актуализации скифской темы в российской культуре XIX–XX вв., стали известия о результатах археологических исследований в Северном Причерноморье. Легенды о скифском золоте, спрятанном в царских курганах, и прежде имели хождение у жителей этих регионов: «Люди говорят, что в каждом из них царь какой-нибудь погребен; другие же утверждают, что лежат там сокровища сокрытые» (1996, с. 148), – писал турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Керченский полуостров в середине XVII в. Обнаружение материальных свидетельств пребывания древних кочевников на территориях, вошедших на рубеже XVIII в. в состав Российской империи, радикально изменило представление о роли скифов в отечественной истории – то, что еще недавно казалось лишь поучительным «баснословием», неожиданно превратилось в эмпирически подтвержденные факты. В начале XIX в. археологические работы велись на территории курганного некрополя Пантикапея неподалеку от современной Керчи. Первым скифским памятником, сведения о котором вошли в научную литературу, стал курган Патиниоти, располагающийся в западной части обширного курганного комплекса (1821 г.). В 1830 г. к северо-западу от Патиниоти в кургане Куль-Оба было обнаружено несколько скифских захоронений, к сожалению, в значительной мере разоренных впоследствии: «Обилие разнообразного и ценного погребального инвентаря определило судьбу курганов... К середине XIX века многие из них были разграблены кладоискателями или бессистемно раскопаны с целью спасения сокровищ от грабежа и пополнения коллекций Императорского Эрмитажа» (Колтухов, 2004, с. 209). Тем не менее к началу XX в. на Керченском полуострове, в степях и предгорьях Крыма, в Северном Приазовье и в Приднепровье были обнаружены и изучены сотни археологических памятников, относящихся к скифской культуре. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы на основе систематизации полученных материалов и их соотнесения с античными письменными источниками реконструировать последовательность значимых событий в истории скифских племен с их географической «привязкой». Научные труды М. И. Ростовцева, определившие общее направление развития современной отечественной скифологии, вышли в печати в те же годы, когда в литературно-художественных кругах Санкт-Петербурга и Москвы вызревала концепция «русского скифства» (Ростовцев, 1912; 1918).

«Ни один народ сам себя не называл Скифами», – писала в «Записках касательно Российской истории» Екатерина II (1787, с. 19). Действительно, самоназвание «скифы» явилось результатом ряда метафорических переносов (благородство и добродетель древних скифов достались по наследству русским «скифам») и метонимических смещений (территория Скифского царства в контексте политической географии Нового времени), восходящих к античной эпической поэзии и историографии. Идеология «скифов», заявивших о себе в России в период между первой русской революцией и октябрьским переворотом 1917 г., сочетала в себе пафос социальной справедливости, энергетику «скифской войны» и спроецированные в прошлое эсхатологические ожидания, материализовавшиеся в археологических памятниках. Русские «скифы» последовали призыву М. М. Бакунина «подчинить наше время нашим мыслям», основанному на уверенности в том, что «мыслителю и поэту дозволено предвосхищать будущее и построить среди развалин и тлена, окружающих нас, новый мир свободы и красоты» (1987, с. 231).

Современный сербский политолог М. Малешевич связывает «авангардный патриотизм» русских скифов с модернистскими движениями на рубеже XIX–XX вв.: «Скифов наилучшим образом можно понять в контексте специфических социокультурных процессов в Европе начала XX века. Их ориентализм и отрицание современной культуры продиктованы теми же побуждениями, что и уход Гогена в Полинезию, обращение Пикассо к Африке, декадентская критика буржуазной культуры у Уайльда, социальная изоляция “проклятых французских поэтов” и т. д. Все они являются частью модернизма – культурного направления конца XIX века, выражающего протест и неудовлетворенность социальными тенденциями современной цивилизации... Забытые учения и эмоции, которые модернисты ищут на Востоке, скифы находят в собственном народе» (Малешевич, 2024, с. 64). С другой стороны, признавая модернистскую направленность раннего скифства, О. В. Кириченко настаивает на том, что оно изначально было чуждо «святоотеческой идейности» русского народа: «Духовные основы скифства как идейности лежат в западно-модернизированном соловьевском софианстве, в отличие от евразийства имеющем не философско-богословские, этнополитические корни» (2025, с. 107). Этнический аспект приобретает, таким образом, принципиальное значение: «Этнографичность скифов возникла не случайно, за ней стоял определенный исторический приговор (со стороны основателей движения “Скифы”) русскому народу в его прежнем этнографическом качестве “богоносца”... Вот почему появляются не просто абстрактные скифы-кочевники из стихотворения Блока, а конкретный народ (антирусский) с конкретными этнографическими признаками» (Кириченко, 2025, с. 107).

На наш взгляд, истоки мифологемы «скифства» следует искать в литературно-публицистических проектах 1907–1914 гг., явившихся продолжением «скифской темы» в отечественной историографии и публицистике. Некоторые из авторов альманаха «Скифы» (Андрей Белый, Александр Блок, Валерий Брюсов, Алексей Ремизов, Лев Шестов) прежде публиковались в пропагандировавшем идеи «мистического анархизма» петербургском издании «Факелы». Выпуски этого журнала, вышедшие в печати в 1906–1908 гг., явились выражением специфических умонастроений определенной части российского общества, в которых своеобразно сочеталось предчувствие неминуемого крушения самодержавия и осознание безысходности выбора между безликостью и одиночеством. Концептуальная близость «мистического анархизма» и русского «скифства» позволит Н. А. Бердяеву говорить о последнем, как о «форме одержимости революционной стихией у людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии» (2012, с. 284).

Следует отметить, что в двух состоявшихся выпусках альманаха «Скифы» собственно «скифский сюжет» представлен только вводной статьей и стихотворением Валерия Брюсова «Древние скифы» (во втором сборнике слово «скифы» присутствует лишь в названии издательства и на двух художественных марках работы К. С. Петрова-Водкина). «Миф о родстве скифской и славянской ментальности, обнаружение в другой эпохе истоков всемирной славянской миссии; идея спасения через гибель; пафос разрушения сложившихся форм жизни во имя утверждения новых; поэтизация стихии как животворящей энергии бытия; наличие особой единой концептосферы» (Созина, 2010, с. 51), – эти отличительные признаки «скифского текста» ярко представлены в поэме «Скифы» А. А. Блока, но этот текст сознательно позиционировался автором вне «скифского» проекта и был воспринят современниками скорее как послесловие к поэме «Двенадцать», нежели как продолжение линии теоретизирующего панмонголизма. Эпиграф, появившийся во втором издании поэмы (с характерной неточностью при цитировании В. С. Соловьева), был сочтен критиками не вполне неудачным. «Он направляет мысль по ложному следу (как и заглавие поэмы “Двенадцать”), – писал М. А. Волошин, – вернее было бы если бы Блок взял эпиграфом одну из “Парижских эпиграмм” Вяч. Иванова (“Кормчие звезды” – “Скиф пляшет”» (Александр Блок..., 2004, с. 296). Соглашаясь с ожидаемо негативными оценками литературных оппонентов, даже вполне лояльные в отношении А. Блока критики признавали, что «Скифы» – это «риторика и декламация, с отдельными ослепительными проблесками, но в целом – работа на “3+”» и, случись, например, В. Брюсову или тому же М. Волошину писать “Скифов”, они написали бы их лучше (Александр Блок..., 2004, с. 538). Впрочем, по свидетельству Р. В. Иванова-Разумника, и сам Блок признавался, что не любит своих «Скифов»: когда их сравнивают с пушкинским «Клеветникам России», они оказываются «в одной линии с политическими манифестами – скучно!» (Александр Блок..., 2004, с. 664).

Нельзя не согласиться с О. В. Кириченко в том, что «политический характер раннего скифства, в отличие от “нового скифства” 2000-х годов, был привязан к политической злободневности послереволюционных лет» (2025, с. 109). После событий 6 июля 1918 г. публицистическая деятельность организаций, ассоциируемых с партией социалистов-революционеров, в России фактически оказалась под запретом. В феврале 1919 г. несколько «скифов» (А. Блок, М. Замятин, Р. Иванов-Разумник, К. Петров-Водкин, А. Ремизов и др.) были арестованы по делу левых эсеров (Солнцева, Солнцева, 2021, с. 282). В новой социально-политической ситуации казалась неуместной решимость Б. Пильняка «скифствовать до белого каления» (Солнцева, 2010, с. 153). «По мере того как социалистический реализм вытеснял авангард, скифы утрачивали влияние на общественное мнение и постепенно уходили в историю. Тем не менее, их “авангардный эксперимент” послужил основанием для нового политико-философского направления – евразийства» (Малешевид, 2024, с. 68). Более того, основополагающие идеи русского «скифства» не только были востребованы ранними евразийцами, но и приобрели в контексте евразийской теории некий «академический» статус: «Несмотря на то, что состав участников скифского движения и евразийцев не совпадал, в научной литературе отсутствуют разногласия относительно наличия между ними причинно-следственной связи. Первые прибегали к художественным формам, символическим метафорам и аллюзиям; вторые, учитывая свою академическую подготовку, стремились рационализировать те же идеи и оформить их в целостную политико-философскую систему» (Малешевид, 2024, с. 68).

Мифологема русского «скифства», эксплицитно выраженная в сочинениях А. И. Лызлова, Н. В. Татищева, М. М. Щербатова и в «Записке» Екатерины, отчетливо и лаконично сформулирована в «Начертании русской истории» (1927 г.) Г. В. Вернадского: «Историческая подпочва русского государства была создана скифами» (1927, с. 25). Рационализация «скифского сюжета» находит в евразийской теории свое логическое завершение: «Г. В. Вернадский создал схему государствообразующего процесса в Евразии, в которой Монгольская империя оказывалась третьим образованием, пытавшимся объединить евразийское пространство. Помимо нее к этапам создания единой государственности в Евразии были отнесены Скифская держава и Гуннская империя. Г. В. Вернадский также обозначил три элемента, присущих “евразийской государственности” – крепкую государственную организацию, сильную и жесткую правительственную власть и форму военной империи; также он указывал на “единое и целостное мирозерцание”, но относил его только к монгольскому и московскому обществу XIV-XVII вв.» (Быстрыков, 2025, с. 169).

В дальнейшем развитии скифства и евразийства, как справедливо отмечает О. В. Кириченко, «теория мельчает, упрощается, деградирует, практическая же деятельность набирает силу» (Кириченко, 2025, с. 93). Показательным примером снижения научной и эстетической компетентности «новых скифов» может служить рассуждение П. В. Зарифуллиной о том, что «за счет перцепции вращения Земли, “небесный центр” как бы двигается, бороздит космический океан» (2024, с. 439). Приняв во внимание совет М. А. Бакунина «выдрать розгами наше метафизическое высокомерие» (1987, с. 131), «новые скифы» оставили метафизику и с воодушевлением занялись саморекламой (Кириченко, 2021). Тем не менее следует с должной серьезностью относиться к мнению М. Малшевича: «В связи с новейшими тенденциями “поворота на Восток 2.0” и последующим запуском процесса так называемой “сибиризации” – возвращения к истокам и формирования новой духовной и культурной столицы в центре Сибири – скифство как одно из ключевых направлений авангардной культуры и предтеча евразийства призвано приобрести стратегическое измерение, то есть стать формой стратегической культуры» (2024, с. 73).

Заключение

Проведенная в соответствии с поставленными исследовательскими задачами реконструкция мифологеми «скифства» в русской культуре на рубеже XIX-XX вв. позволяет перейти к следующим выводам.

Образ «благородного скифа», заимствованный из эпической поэзии, а также античной историко-географической и философской литературы в сочетании с модернистской направленностью социально-политических практик и религиозно-философских теорий, послужил основой мифологизации «скифства» в русской культуре на рубеже XIX-XX вв.

Специфическое восприятие скифской мифологемы в трудах российских историографов XVIII в. и в сочинениях отечественных публицистов XIX в. предопределило эволюцию русского «скифства» в направлении его последовательной концептуализации.

Установление параметров создания и развития «скифской темы» в сочинениях российских литераторов и публицистов XIX-XX вв. позволяет рассматривать «скифство» в качестве одного из актуальных феноменов современной российской культуры, являющихся перспективным объектом дальнейших исследований.

Материалы исследования | Research materials

1. Геродот. История. М.: Академический проект, 2016.
2. Записки касательно Российской истории. СПб.: Имп. типография, 1787. Ч. 1.
3. Лызлов А. Скифская история. М.: Наука, 1990.
4. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003.
5. Скифы: сборник. СПб.: ООО ТД «Современная интеллектуальная книга», 2018.
6. Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 1. История российская.
7. Щербатов М. М. История Российская с древнейших времен. СПб.: Имп. Академия наук, 1770. Т. 1.
8. Челеби Э. Книга путешествий. Симферополь, 1996.

Источники | References

1. Александр Блок: pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. Антология. СПб.: РХГИ, 2004.
2. Бакиров М. Х. Новый взгляд на этническую идентичность скифов и саков // Филология и культура. 2019. № 2 (56).
3. Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987.
4. Бердяев Н. А. Философия неравенства / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012.
5. Бражников И. Л. «Скифский сюжет» в русской культуре // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4-1.
6. Быстряков В. Ю. Скифы и гунны в русской истории: евразийский взгляд // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. <https://doi.org/10.17223/19988613/96/20>
7. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927.
8. Вязинкин А. Ю. Национальный проект «русского социализма» и фигура «скифа» в идейном наследии А. И. Герцена // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 8. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.12>
9. Герцен А. И. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 2.
10. Зарифуллин П. Новые скифы: статьи, эссе. СПб.: Литературная матрица, 2024.
11. Кириченко О. В. Идейность и идейные формы. Евразийство и скифство, советское славянофильство и западничество, социанство и светский исихазм, нигилизм и социальный оптимизм, светская и церковная эсхатология. СПб.: Алетейя, 2025.
12. Кириченко О. В. Общественно-политическое движение «Новые скифы» в современной России // Традиции и современность. 2021. № 27. <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-27/68-86>
13. Козулин В. Н. Образ скифов в античной литературной традиции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.
14. Колтухов С. Г. Формирование и развитие скифского направления в археологии Крыма // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. № 14.
15. Кузина Н. В. Между Западом и Востоком: Судьба России – от идей восточничества к «скифству» и евразийству // Культурологический журнал. 2016. № 2 (24).
16. Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
17. Нахов И. М. Киническая литература. М.: Наука, 1981.
18. Молев Е. А. История исследования семантики образа зайца в греко-скифской торевики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2.
19. Орехов В. В. Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. 2009. Т. 11. № 1.
20. Петрухин В. Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум; Неолит, 2014.
21. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004.
22. Ростовцев М. И. Боспорское царство и южнорусские курганы. М., 1912.
23. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
24. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.

25. Созина Е. М. Скифская тема в лирике Велимира Хлебникова // Система ценностей современного общества. 2010. № 11.
26. Солнцева Н. М. Скифы и скифство в русской литературе // Историко-литературное наследие. Российское научное издание. 2010. № 4.
27. Солнцева Н. М., Солнцева Е. Г. Скифский взгляд на русскую революцию: аспекты аксиологии // Научный диалог. 2021. № 5. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-272-286>
28. Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Академический проект, 2023.
29. Малешевий М. Скитиазам и евроазијство: траговима руске стратешке културе // Српска политичка мисао број. 2024. Vol. 83.

Информация об авторах | Author information

RU**Чулков Олег Алексеевич**¹, к. филос. н., доц.¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Санкт-Петербург**EN****Oleg Alekseevich Chulkov**¹, PhD¹ Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, St. Petersburg¹ chulkovoa@gumrf.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.02.2026; опубликовано online (published online): 24.02.2026.

Ключевые слова (keywords): мифологема «скифство»; альманах «Скифы»; скифский сюжет в истории культуры; образ «благородного скифа»; mythologem of Scythianism; almanac “Scythians”; Scythian plot in the history of culture.